

**О. В. Радчук**

*Харьковский национальный педагогический университет имени Г. С. Сковороды*

### **Супплетивизм как отсутствие материальной повторяемости знака**

---

**Радчук О. В. Супплетивізм як відсутність матеріальної повторюваності знака.** Стаття присвячена розгляду супплетивізму як *відсутності* матеріальної повторюваності знака, що пов'язано з мовною ментальністю носіїв російської мови. У роботі робиться спроба розрізнення словозмінного та словотворчого супплетивізму, системного представлення гетерогенних форм різних частин мови та виявлення лінгвокультурних витоків появи таких форм.

**Ключові слова:** *поняття відсутність, супплетивізм словозмінний та словотворчий, гетерогенні форми.*

**Радчук О. В. Супплетивизм как отсутствие материальной повторяемости знака.** Статья посвящена рассмотрению супплетивизма как *отсутствия* материальной повторяемости знака, что связано с языковой ментальностью носителей русского языка. В работе делается попытка разграничения словоизменительного и словообразовательного супплетивизма, системного представления гетерогенных форм разных частей речи и выявления лингвокультурных истоков появления таких форм.

**Ключевые слова:** *понятие отсутствия, супплетивизм словоизменительный и словообразовательный, гетерогенные формы.*

**Radchuk O. V. Suppletivity as the absence of the sign material repetition.** The article deals with suppletivity as the *absence* of the sign material repetition which is connected with Russian speakers language mentality. An attempt is made to distinguish suppletivity as a means of creating grammar forms and as a means of world building, of systematic representation of heterogeneous forms of deferent parts of speech and finding out linguocultural sources of their appearance.

**Keywords:** *the notion of absence, suppletivity as a means of creating grammar forms and as a means of world building, heterogeneous forms.*

---

Системно грамматические значения выражаются формами одного слова или специальными элементами (морфемами, присоединенными к корню). Однако в ряде случаев для выражения грамматических значений приходится употреблять формы слов, образованные от разных корней. Подобное выражение грамматических значений называется *супплетивизмом*, а сами формы *супплетивными* или *супплетивами*. Данный термин в латыни (*suppletio*) обозначает 'восполнение', 'замещение', а во французском *suppletif* — используется еще в значении 'добавочный'.

Супплетивный способ выражения грамматических значений в русском языке является непродуктивным и описывается в научных грамматиках чаще как исключение. Тем не менее данное грамматическое явление имеет место в системе языка и охватывает практически все разряды слов, как именные, так и глагольные. Это проявляется в формальной реализации отдельных грамматических категорий — категорий рода, числа, падежа, степени качества, времени, актуальности и других.

Цель статьи состоит в том, чтобы рассмотреть *супплетивизм* как *отсутствие* материальной повторяемости знака, имеющего связь с языковой ментальностью носителей русского языка. По-

ставленная цель предполагает решить следующие задачи: во-первых, системно представить супплетивные формы разных частей речи; во-вторых, выявить лингвокультурные истоки появления таких форм.

Актуальность темы исследования обусловлена, с одной стороны, научным интересом к изучению грамматического явления супплетивизма, а с другой — недостаточной изученностью понятия *отсутствие* в языковой знаковой системе. Супплетивизм как *отсутствие* материальной повторяемости знака до сих пор не был предметом специального исследования.

В научных грамматиках и лексикографических справочниках по языкознанию даются определения дефиниции *супплетивизм* и приводятся одиночные и повторяющиеся примеры супплетивных форм (*ребенок — дети; человек — люди*). В последнее время появились работы, рассматривающие *супплетивизм* как диахроническое формоизменение имени существительного или глагола [6; 7]. Однако, как отмечает специалист по сравнительно-историческому языкознанию К. В. Бабаев, термин *супплетивизм* еще нуждается в уточнении, типология *супплетивизмов* вообще не создана, не подвергалось исследованию расхождение основ в лексико-словообразовательных парадигмах.

Лингвист считает, что явление супплетивизма требует разработки и развития в теоретическом плане и предлагает несколько критериев для классификации супплетивных форм: *гетерогенные и гомогенные формы; автономность морфем*, а также предлагает выделить в отдельный тип *деривационный супплетивизм*: «Полагаю, что разделение супплетивизма на словоизменительный и словообразовательный также может служить одним из основных классификационных признаков типологии, так как оба явления имеют единую природу» [1:13].

Необходимо отметить, что супплетивизм в ранние периоды развития языка, по наблюдению историков языка, обусловлен историей становления лексико-грамматических категорий языка, поздний супплетивизм возникает как следствие фонетических изменений корня и семантических процессов аттракции разных корней. Супплетивизм в русском языке чаще рассматривается как словоизменительный способ, реже понимается шире, как способ и словоизменения, и словообразования. Обратим внимание, что Е. С. Кубрякова характеризует супплетивное словообразование как неподлинное. Считаем справедливым замечание Е. С. Кубряковой по этому поводу: «В структуре производного наименования всегда повторяются знак или знаки, или части знаков, содержащиеся в исходной мотивирующей единице, и поэтому слова, связанные отношениями словообразовательной производности, содержат общие черты. Это отличает подлинное словообразование от супплетивного, где подобная материальная повторяемость знаков (как в случаях *стирать — прачка*) отсутствует» [2:22].

Словоизменительный супплетивизм проявляется во всех именных классах слов при формообразовании: имени существительном (категория числа и рода), имени прилагательном (категория качества), имени числительном (семантические группы) и местоимении (категория числа и падежа).

Формы единственного и множественного числа субстантивов чаще всего отличаются только флексией, но могут быть представлены и супплетивами. Перераспределение связей между компонентами различающихся этимологически словообразовательных гнезд приводит к появлению супплетивных форм, входящих в одну парадигму словоизменения существительных в современном русском языке. Например, в паре *ребенок — дети* формы *sing. tantum* и *pl. tantum* взяты из разных гнезд. Исторически закономерными были соотношения *ребенок — ребята, дитя — дети*. С развитием лексико-семантической подсистемы языка происходят сдвиги в семантике слов *ребята* и *дитя*. Если номинативной единицей *ребенок* может быть назван человек в возрасте от рождения до четырнадцати-пятнадцати лет, то форма множественного числа *ребята* не используется для наименований младенцев, а обращение *ребята* сегодня допустимо для лиц не только юного, но и зрелого возраста. Слово *дитя*, как правило, употребляется для наименований лиц до

семилетнего возраста, а словом *дети* могут быть названы даже люди преклонного возраста. Например, в современном языке существует устойчивое выражение, определяющее социальную группу людей, которые родились в предвоенное время и пережили войну, — *дети войны*. Актуализация значения метафоры *дети войны* проявляется в контексте последних событий на Украине. Выражение *дети войны* находит ассоциативное соотношение с понятиями ‘беженцы’, ‘потерпевшие’, ‘потерявшие родителей’, ‘сироты’. Частотность употребления слова *дети* в устойчивых конструкциях подтверждает то, что оно является универсальным, наиболее “приспособленным” к расширению значения, чем слово *ребята*. Приведенные факты свидетельствуют о том, что в языковой, как и в биологической, системе работает принцип естественного отбора: из двух пар остаются наиболее употребляемые формы *ребенок — дети*.

Замечание А. Д. Шмелева по вопросу соотношения элементов анализируемой оппозиционной пары подтверждает наши предположения: «Дело в том, что слово *дитя* относится к среднему роду, тогда как *дети* — существительное мужского рода, как и слово *ребенок*. Поэтому мы должны признать *дитя* словом класса *singularia tantum* — одним из редких случаев существительного, семантика которого не исключает множественности, но которое, тем не менее, не имеет множественного числа. Соответственно, формы *дети, детей, детям* и т. д. можно считать супплетивным множественным числом слова *ребенок*» [7:583]. Аналогичная супплетивная форма появилась при выражении грамматического значения множественного числа существительного *человек*: лексема *люди*. Например, в паре: *человек — человеки, люд — люди*, где форма *чело́веки* утратилась, а слово *люд* стало собирательным. Тем самым форма *pluralia tantum люди* “освободилась” и соединилась с формой *человек* в новую, супплетивную пару: *человек — люди*. Из двух однокорневых пар, в которых утрачены противоположные члены в ходе исторического развития языка, получается новая пара из оставшихся членов. Утраченная форма сохранилась в религиозном дискурсе, а также в русской поговорке «*Все мы люди, все мы человеки*», имеющей иронический оттенок. Однако в современном русском языке в родительном падеже множественного числа может употребляться регулярная форма *человек*: *без пятидесяти человек*. Этот факт хорошо известен: «Однако, как мы видели, формы множественного числа от основы *человек* используются не только в нескольких “застывших” выражениях: они довольно часто воспроизводятся в речи и нередко лишены стилистической маркированности» [7:579]. Узальное использование оппозитивов *человек — люди* закреплено практикой русскоговорящих, что и определило грамматические условия их реализации.

Существительное единственного числа *год* в русском языке имеет регулярный коррелят множественного числа — *годы*. Нормативным в роди-

тельном падеже множественного числа является употребление супплетивной формы *лет*: *дама пятидесяти лет*. Пары *годов — лет* и *человек — людей* встречаются в определенных синтаксических конструкциях, за которыми закрепились лексемы *лет* и *человек*: так, формы *лет* и *людей* употребляются во всех случаях, кроме сочетаний с порядковым числительным: *пятидесятих годов*. Как видно из примера, сохранение фонологически отличных основ в парадигме обусловлено не только частотой употребления граммем и семантическими причинами, но и синтаксическими факторами. В системе имен существительных представлен не только словоизменительный, но и словообразовательный супплетивизм, так называемый *квазисупплетивизм*. Поскольку изначально существовали разные слова, имеющие свои словоизменительные парадигмы и никак не пересекающиеся. Противопоставление по гендерному признаку отражает наше понимание одушевленного мира и является универсальным, поскольку характерно для большинства языков мира. «Граммемы мужского и женского рода образуют бинарные знаковые комплексы, устойчивые и воспроизводимые как модель и в конкретных парах» [4:121].

У одушевленных имен существительных одним из способов выражения семантического рода являются супплетивные формы, противопоставленные на основе гендерного признака: *отец — мать, мальчик — девочка, жених — невеста, юноша — девушка, мужчина — женщина, муж — жена, брат — сестра*. В этих случаях отнесенность слова к лицу женского пола не выражена особым суффиксом (например, *-ниц-*; *-к-* и других), а обозначается лексически. «Соположение родовых граммем и актуализация значения пола у одушевленных существительных, называющих лица, используется во всех видах речи: официально-деловой, разговорной, научной, в художественной прозе и поэзии» [4:120].

Особый интерес представляет пара *дамы — господа*, которая стала вновь активно использоваться в разговорной речи. Причем к лексемам *дамы* и *дама* прибегают в качестве обращения даже в быту, а в последнее время намечена тенденция вытеснения обращения к лицам женского пола *женщина* словом *дама*. Употребление слова *господа* в современном дискурсе встречается чаще, обращение к лицам мужского пола в форме *singular* *господин* заменило обращения советского периода *товарищ*, которое воспринимается уже как устаревшее или связанное с особыми сферами коммуникации, но в тоже время еще не вытеснило фамильярного обращения *мужчина*.

В искусственном языке эсперанто наблюдаем “выровненную”, несупплетивную парадигму пары *patro* ‘отец’ — *patrino* ‘мать’. Эти формы восходят к индоевропейскому праязыку, в котором существовало притяжательное прилагательное со значением ‘отцовский’, но отсутствовало аналогичное со значением ‘материнский’, потому что в древнем патриархальном обществе только мужчина имел право собственности, то есть мог чем-

либо владеть. Гендерные оппозиции *отец — мать* образуют гиперсему *родители*. Значение слова *родители* было заимствовано из арабского языка в период Халифата (VIII–XIII века). Слово *baba* в арабском и тюркских языках означает ‘отец’, а форма множественного числа *baba-lar* — имеет значение ‘родители’, подчеркивая при этом значимость мужчины, его превосходство над женщиной в мусульманском мире.

Связь между значением существительного и его грамматическим родом проявляется у названий некоторых животных, но не отличается последовательностью, которая характерна для названий лиц. У многих зоонимов, имеющих хозяйственное значение (*бык — корова, жеребец — кобыла, овца — баран*), у наименований домашних птиц (*петух — курица, утка — селезень*) реальные различия по полу обозначаются разными словами. Примечательным является то, что названия детенышей в таких парах либо представлены однокоренным словом, связанным деривационными связями с одним из “родителей” (*утенок*), либо вообще не совпадает ни с одним из родовых оппозиций: *жеребенок, теленок, ягненок, цыпленок*. В приведенных примерах представлен словообразовательный супплетивизм: суффикс *-онок* присоединяется к разным корням, придавая им значение ‘детеныш’.

Интересной представляется родовая цепочка *собака — пес (кобель) — сука — щенок*, в которой проявляются родо-видовые отношения лексических единиц. Первое слово в указанном ряду, представляющее собой гипероним, *собака* относится по своим морфологическим признакам (флексия *-а*) к существительным женского рода, хотя в реальности может обозначать животных обоих полов. Слово *щенок* относится к существительным мужского рода, но может также обозначать детенышей обоих полов. В приведенном ряду указаны два варианта наименований мужской особи — *пес* и *кобель*. Лексема *пес* употребляется чаще в разговорной речи, в определенных контекстах имеет негативную коннотацию (*пес смердячий*). Зооним *кобель* может использоваться в качестве специальной лексики кинологами, ветеринарами, как и слово *сука*. Иногда слово *кобель* вводится в контекст с целью создания комизма.

Зооним *сука* в русском языке имеет пейоративный оттенок и относится к стилистически сниженной лексике, что подтверждает и фразеологизм *сукин сын*. Соединение в одну устойчивую языковую единицу слов женского (*сука*) и мужского (*сын*) рода повлияло на то, что идиома может употребляться и по отношению к мужчинам, и по отношению к женщинам, хотя и реже. «Выражение *сукины сыны* оказывается подобно выражению *сукины дети* в том отношении, что в нем также частично утрачивается компонент ‘мужской пол’, так что оно может относиться к неопределенной группе людей, потенциально включающей как мужчин, так и женщин. Однако, если речь идет о небольшой группе, включающей как мужчин, так и женщин, предпочтительно вы-

ражение *сукины дети*: использование выражения *сукины сыны* является аномальным или может вызвать комический эффект» [7:579].

Если у имен существительных словоизменительный супплетивизм проявляется в корреляции форм *singularia tantum* и *pluralia tantum*, а также имеет гетерогенные формы обозначения рода, то у имен прилагательных супплетивизм наблюдается при образовании форм сравнительной степени: *хороший* — *лучше*, *плохой* — *хуже*, *маленький* — *меньше*. Корневые морфы таких словоформ лишены формальной (фонематической) близости и потому представляют разные морфемы. Краткие формы имени прилагательного могут быть также представлены супплетивами: *большой* — *велик*. Причем, форма *велик*, в другом своем значении, является несупплетивной краткой формой прилагательного *великий*.

Учитывая то, что адвербиальные слова чаще образуются от адъективов, то здесь тоже прослеживается явление супплетивизма. Например, аналогичным способом образуется сравнительная степень наречий: *хорошо* — *лучше*, *плохо* — *хуже*, *мало* — *меньше*. Причем, формы сравнительной степени наречия и имени прилагательного совпадают.

Гетерогенная пара *можно* — *нельзя*, относящаяся к категории состояния, в определенном исторический период развития языка не относилась к супплетивным, поскольку у слова *нельзя* был антоним *льзя*, а слово *можно* выступало антонимичным слову *неможно*, которое до сих пор сохраняется в близкородственном украинском языке. Лингвисты И. А. Мельчук и А. Д. Шмелев в своих работах высказывают мысль о том, что существовал период, в течение которого *льзя* и *неможно* смещались по “шкале правильности” от безупречной правильности к аномалии. Для *льзя* этот период наступил раньше, чем для сочетания *неможно*, и за это время и произошел переход от синонимии к супплетивизму. Из этого вытекает, что в рассматриваемый период “мера супплетивизма” данных выражений постепенно повышалась. «Сказанное можно отнести и к некоторым другим случаям, когда супплетивизм возникает в результате лексической конвергенции» [7:575].

У имени числительного в основном встречаются гомогенные формы, но есть и исключения, представленные супплетивизмом. Количественные и порядковые числительные первого десятка и названия разрядов до миллиона имеют разные основы. Наиболее четко это отражено в примерах: *один* — *первый*, *два* — *второй*. Данные гетерогенные граммы имеют разную этимологию.

Имена числительные как часть речи сложились в относительно поздний период истории русского языка и до сих пор сохраняют многие черты, присутствующие им в древности. Это связано с тем, что названия чисел относились к именам существительным или прилагательным, а некоторые наименования чисел представляли собой сочетания слов. Прилагательными были не только порядковые числительные, но и названия чисел *одинъ* (*одьна*, *одьно*), *дѣва* (*дѣвъѢ*), *три* (*трѣе*), *четыре* (*четыри*).

Как и в случае с субстантивами, супплетивизм местоимений наблюдается в корреляции единственного и множественного числа. Например, при словоизменении личных форм: *я* — *мы*. С помощью супплетивных корней выражаются грамматические значения косвенных падежей личных местоимений 1-го, 2-го и 3-го лица, которая проявляется в несоответствии падежных форм личных местоимений — форм им. п., с одной стороны, и косвенных падежей — с другой (например, *я* — *меня*, *мы* — *нас*).

Необходимо отметить, что местоимения 3-го лица имеют разные формы при наличии и отсутствии предлога: *ее* — *у нее*, *ими* — *с ними* (после предлога к основе добавляется *н*). Некоторые местоимения в творительном падеже имеют дополнительные «удлиненные» формы: *мною* — *мною*, *тобой* — *тобою*, *ей* — *ею*, *ней* — *нею*.

Отсутствие материальной повторяемости наблюдается в таком лексико-грамматическом классе слов, как глагол. Например, могут выражаться с помощью разных корней значения несовершенного и совершенного видов глаголов (*брать* — *взять*, *говорить* — *сказать*, *искать* — *найти*, *класть* — *положить*, *ловить* — *поймать*).

Парадигма глаголов *идти* — *ходить* включает глагольные временные формы, в которых достаточно ярко выражен супплетивизм: *шел* — *иду* — *буду идти*. Аналогично могут соотноситься пары несовершенного и совершенного видов: *буду ходить* — *пойду*.

Граммема *шел* является супплетивной формой прошедшего времени глагола *идти*, так как образовано от другого корня. Историческое чередование *ид-* / *и-* в русском языке уникально и выступает только при образовании этой формы. Этимологически *шел* восходит к корню *хѣд-*, наличному в слове *ходить*. Разные основы уже были в языке-основе: *иду*, *пойду* (праславянские *\*jьdǫ*, *\*pojьdǫ*) *пошел* (праславянское *\*posьdlъ*).

Супплетивные глагольные формы в основном рассматриваются как аномалии в пределах одной словоизменительной парадигмы, но могут рассматриваться как аномалии в пределах одного словообразовательного гнезда.

Проведенный анализ показал, что супплетивизм, как формальное отсутствие повторяемости морфем при словоизменении, ярче всего проявляется у имен существительных. Как нам представляется, это не является случайным, поскольку человек, познавая окружающий себя мир, всегда хотел представить его в виде конкретных реалий. Воспринимая объекты, человек привлекал различные номинации, которые в процессе развития человека и языка закреплялись и передавались из поколения в поколение, подвергаясь определенным изменениям.

Таким образом, супплетивные формы слов в русском языке являются уникальными, так как используются только при образовании одной конкретной грамматической формы. Это обусловлено тем, что супплетивы появляются в результате изменений в лексико-семантической подсистеме

языка, влекущие за собой изменения в грамматической подсистеме.

Для возникновения и сохранения супплетивов в языке должны иметься определенные условия.

Для этого в перспективе необходимо привлечь диахронический частотный анализ. Представляется, что это позволит проследить историю развития интересующих нас парадигм.

### Литература

1. Бабаев К. В. Об определении и типологии супплетивизма / К. В. Бабаев // XLI Международная филологическая конференция. — Санкт-Петербург, 26—31 марта 2012 г.: Избранные труды / Отв. ред. А. С. Асиновский, С. И. Богданов. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013. — С. 10—16.
2. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений: Семантика производного слова / Отв. ред. Е. А. Земская: Предисл. В. Ф. Новодрановой. Изд. 2-е, доп. — М.: Издательство ЛКИ, 2008. — 208 с.
3. Мельчук И. А. О супплетивизме / И. А. Мельчук // Проблемы структурной лингвистики: 1971 — М.: Наука, 1972. — С. 396—438.
4. Скоробогатова Е. А. Грамматические значения и поэтические смыслы: поэтический потенциал русской грамматики (морфологические категории и лексико-грамматические разряды имени): Монография / Е. А. Скоробогатова — Харьков: НТМТ, 2012. — 480 с.
5. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер / В 4-х т.: Пер. с нем. = Russisches etymologisches Wörterbuch / Перевод и дополнения О. Н. Трубачева. — 4-е изд., стереотип. — М.: Астель — АСТ, 2004. — Т. 1. — 588 с. — Т. 2. — 671 с. — Т. 3. — 830 с.
6. Чумакина М. Э., Hippisley A., Corbett G. Исторические изменения в русской лексике: случай чередующегося супплетивизма / М. Э. Чумакина, А. Hippisley, G. Corbett // 2004. Рукопись.
7. Шмелев А. Д. Супплетивизм или синонимия? / А. Д. Шмелев // Международная филологическая конференция «Языкознание sub specie русистики: взаимодействие языковых элементов», Москва, 24—26 октября 2012 г.: Избранные труды, 2013. — С. 573—586.
8. Щеникова Е. В. Факторы выбора количественных и собирательных числительных в современной художественной прозе: дисс. на соискание научн. степени канд. филол. наук / Е. В. Щеникова. — Нижний Новгород, 2006. — 210 с.